

Виктор Безматерный

ЭХО
ПРАВДЫ

«Мсть не имеет срока давности. Особенно если она вяжет морские узлы»

Виктор Безматерный

Эхо девяностых

<https://litres.ru/74371119>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург содрогается от жестоких убийств, в точности копирующих почерк легендарного маньяка девяностых «Топляка». Дело давно закрыто, сам маньяк сгнил в тюремной больнице, а его зверства списаны на историю кровавой эпохи. Но узлы, стягивающие шеи жертв, завязаны с пугающим совершенством морского узла, а места преступлений инсценированы с дьявольской точностью.

Весея Василевская — майор полиции, циничный оперативник из отдела по борьбе с мелкими хищениями, которую система держит за девочку на побегушках. Когда её внезапно повышают и бросают на расследование века, Весея понимает: она всего лишь пешка в чужой игре.

Когда бывший следователь, опальный генерал и девушка-майор оказываются втянуты в смертельную игру,

Это не детектив о поиске маньяка. Это история о том, как призраки прошлого становятся идеальным оружием в войне нынешних элит, где единственный способ победить стать таким же чудовищем, как твой враг.

Содержание

Глава 1. Ржавчина на граните	4
Глава 2. Архивная пыль и мертвые петли	16
Глава 3. Хищник в кашемире	28
Глава 4. Диафрагма и выдержка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эхо девяностых

Глава 1. Ржавчина на граните

Туман в Петербурге — это не просто погода. Это состояние материи, вязкая прокладка между миром живых и гранитным склепом города. В три часа ночи Петроградская сторона пахла именно так: мокрым асфальтом, прелой листвой, которую дворники ленятся убирать до первого снега, и тяжелым духом Большой Невки, запертой в каменные берега.

Весея Василевская стояла под желтым кругом света от патрульного «Форда», чувствуя, как тонкая ткань форменной куртки ППС мгновенно пропитывается влагой. Куртка была ей велика, рукава закрывали костяшки пальцев. Свой бежевый кашемир она оставила висеть на спинке стула в кабинете по борьбе с имущественными преступлениями. Ее подняли из теплого сна, где она пыталась продать бабушкину квартиру в Купчино капризному клиенту, фразой: «Василевская, тут жмурик странный, а криминалисты встряли в пробке на ЗСД. Глянь одним глазком, ты же все-таки почти убойный». Слово «почти» сейчас резало слух сильнее, чем сирены.

— Долго мы еще будем изображать маяк? — спросил прапорщик Сомов, переминаясь с ноги на ногу. Его ботинки оставляли на брусчатке темные полукруги. — Лапшин орет, чтобы никого не пускали, но холодно, сил нет.

— Смотри лучше, — огрызнулась Весея, хотя посмотреть здесь было решительно не на что. Кусты боярышника, старая трансформаторная будка, обклеенная выцветшими афишами девяностых, и тополь. Огромный, корявый тополь, корни которого вспучили советскую плитку, создав причудливый рельеф.

Именно эти корни заставили Сомова выбежать за ленту оцепления десять минут назад. Он увидел то, что сначала принял за брошенный манекен. Но манекены не синеют таким специфическим, трупным оттенком, и их шеи не перетягивает бельевая веревка.

Из тумана выплыл массивный силуэт майора Лапшина. Он двигался тяжело, переваливаясь, словно старый морж на суше. Лицо у него было цвета сырого цемента.

— Ну? — буркнул он, останавливаясь рядом с Весей. От него пахло валидолом и плохим кофе. — Что твоя интуиция шепчет, будущая звезда сыска?

— Она шепчет, что меня уволят раньше, чем подпишут приказ о переводе, если я затопчу следы, — ответила Весея, кутаясь в чужую куртку. — Что там?

— Лучше бы тебе этого не видеть, девочка. Иди сюда. Только смотри под ноги. Там кровищи натекло — Нева позавидует.

Лапшин приподнял желтую пластиковую ленту. Весея шагнула внутрь периметра. Сырость земли моментально всосалась в тонкие подошвы ее городских ботильонов. Под старым тополем, там, где переплетение корней образовывало естественное кресло, лежала женщина.

Первым делом взгляд цеплялся за одежду. Это был не какой-нибудь маргинал или уличная девчонка. Дорогущее кашемировое пальто цвета слоновой кости стоило больше годовой зарплаты Весеи. Сейчас оно превратилось в грязную тряпку, впитавшую болотную воду с брусчатки. Женщина лежала лицом вниз. Одна рука вытянута вперед, пальцы неестественно выгнуты, словно в последней судороге она пыталась ухватиться за жизнь или за древесную кору. Вторая рука прижата к телу, ладонью вверх.

— Удушение? — спросила Весея, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Оно самое, — кивнул Лапшин, подсвечивая фонариком затылок жертвы. — Веревка ушла глубоко. Заходи сзади, только осторожно. Я хочу, чтобы ты кое-что увидела.

Весея обошла тело. Туман оседал каплями на волосах. Она присела на корточки, инстинктивно расставив руки для равновесия, подальше от темной лужи, растекшейся под головой женщины.

И тогда она его увидела. Узел.

Это была не грубая удавка отчаявшегося грабителя. Это было произведение жестокого искусства. Витиеватая, сложная конструкция из толстой серой хлопковой бечевки. Три симметричных петли, сходящиеся в центре идеальным ромбом. Бечевка не врезалась в кожу хаотично — она лежала плотно, профессионально, распределяя давление.

Бегущий булинь, — пронеслось в голове Весей. Или что-то дьявольски на него похожее, но усложненное вплетением встречного штыка. Морской узел. Узел, который не затягивается намертво сам по себе, его нужно вязать с расчетливым усилием, фиксируя каждый виток. Человек, сделавший это, никуда не торопился. Ему нравился процесс.

— Видишь? — тихо спросил Лапшин, светя чуть в сторону. — Правая нога.

Весея перевела взгляд ниже. Светлые брюки дорогой марки были залиты грязью, но правая брючина задралась выше щиколотки. На ногах женщины не было обуви. Совсем. Ни сапог, ни туфель. А главное — отсутствовали шнурки. Петли на дорогих кожаных туфлях-лодочках (они валялись в трех

метрах, аккуратно поставленные нос к носу) зияли пустотой. Шнурки забрали. Как и ремень. Пряжка от дорогого ремня тоже исчезла.

— Серийник? — хрипло выдавила Весея. Горло пересохло.

— Если это серийник, то мы все мертвы, — мрачно отозвался Лапшин. — Потому что этот фасон я уже видел. Давно. Слишком давно.

Он посветил на левую руку жертвы. Маникюр был свежим, французский. На безымянном пальце — широкая платиновая полоса. Обручальное кольцо содрано вместе с кожей, остался лишь багровый, размоченный водой след.

— Документы? — спросила Весея.

— Сумочка вон, болтается на ветке, — махнул рукой майор. — Телефон разбит. Били об асфальт, пока микросхемы не посыпались. Личность установим утром, когда база ЗАГСа очнется. А теперь иди обратно за ленту. Сюда едет наша карьеристка.

Весея послушно отступила, но уходить не спешила. Она снова посмотрела на узел. В памяти щелкнуло что-то полузабытое, прочитанное в архивных учебниках академии МВД, которые они листали от скуки на третьем курсе. *«Дело Топляка. Не раскрыто. Почерк: отсутствие шнурков, сложные

узлы...»*

Ее размышления оборвал визг тормозов. Черный внедорожник Следственного комитета затормозил прямо на тротуаре, едва не снеся урну. Из машины вышла Маргарита Зотова. Без шапки, волосы уложены идеально даже для трех часов ночи, длинное черное пальто развевается, как мантия инквизитора. Она обвела взглядом сцену, проигнорировала Весею, бросила водителю «Ждать» и царственной походкой направилась к Лапшину.

Весея сделала шаг назад, сливаясь с туманом. Ей здесь не место. Она — младший опер по кражам велосипедов. Но узел на шее мертвой женщины развязываться из головы отказывался.

Сырость сменилась запахом хлорки и старой бумаги. Воздух стал сухим, спертым, прокуренным дешевым табаком.

Октябрь 1994 года. Тот самый год, когда страна училась дышать заново, захлебываясь свободой и бандитскими пулями.

Молодой Илья Борисович Зимин стоял на коленях. Колени ныли сквозь плотную ткань джинсов — колени всегда на-

чинали нить перед дождем, а дождь в том октябре шел трети сутки подряд, превративший ямы Петроградской стороны в озера мазута. Над ним нависал полковник Громов, начальник районного угро. От полковника разило перегаром и злобой.

— Ты мне мозги не пудри, эксперт, — гудел Громов, стряхивая пепел прямо на опавшие листья вокруг тела. — Какой нахрен профессионализм? Напиши: самоубийство на почве личных неприязненных отношений. Мужика у нее увела, вот и сиганула с моста. Или повешалась. Нам глухарей не надо. План горит.

Тело той женщины в 1994 году выглядело иначе. Старое драповое пальто мышинного цвета, стоптанные ботинки. Но положение рук было точно таким же. Левая вытянута, пальцы скрючены, царапают землю. И горло перехвачено той же самой бечевкой.

Илья промокнул лоб тыльной стороной ладони, испачканной в графитовом порошке. Он работал над фиксацией следов.

— Товарищ полковник, это не самоповешение, — устало повторил Зимин в сотый раз. — Высота падения тела не соответствует высоте ветки. Узел профессиональный. Посмотрите на трихины на петле — ворс направлен внутрь, ее под-

тягивали наверх. Это классический подвес с оттяжкой. Двое минимум работали. Один держал, второй вязал.

— Мне насрать, кто там кого держал! — рявкнул Громов, наклоняясь так близко, что Зимин почувствовал запах гнилых зубов. — Мне нужен висяк, который закроется через месяц! У нас вчера инкассаторов на Большом положили, весь отдел на ушах! А ты со своими моряцкими узлами лезешь!

Зотин — тогда еще совсем зеленый стажер, приставленный к Илье учиться жизни — кашлянул в кулак:

— Илья Борисович, может, правда... напишем несчастный случай? Гражданочка перебрала...

Зимин поднял глаза на стажера. Взгляд у эксперта был тяжелый, немигающий.

— Запиши в протокол осмотра места происшествия, — ровным голосом сказал Илья, игнорируя начальника. — При осмотре одежды потерпевшей зафиксировано полное отсутствие шнурованной фурнитуры. Ботинки расшнурованы, шнурки изъяты преступником. Ремень брюк отсутствует.

Громов замер с занесенной для удара папкой.

— Чего-чего изъято?

— Шнурки, товарищ полковник. Преступник забирает шнурки. Это фетиш. Или подпись.

В кармане плаща Зимина зажужжал старенький дозиметр, которым они проверяли фон вещдоков — батарейки садились. Звук показался выстрелом в наступившей тишине.

Громов сплюнул.

— Псих, значит. Хорошо. Псих нам подходит. Пиши: убийство, совершенное душевнобольным лицом. Мотив устанавливается. И найди мне хоть одну зацепку, кроме своих узлов, иначе я тебя самого этой веревкой перевяжу. Понял, эстет?

Полковник развернулся и пошел прочь, хрустя битым стеклом. Старался держаться под козырьками домов, но ливень все равно промачивал его шинель насквозь.

Илья остался один на один с телом. Он достал лупу. Вода стекала по линзе. Он накрыл кисть убитой женщины своей ладонью, пытаясь согреть мертвую окоченевшую плоть.

Под ногтем указательного пальца женщины, в грязи, застряла крошечная белая нитка. Не хлопок. Синтетика. Нейлон. Такая используется в производстве парашютных строп или дорогого туристического снаряжения.

Этой детали не будет в официальном протоколе. Громов прикажет ее смыть. Но Илья спрятал улику в бумажный пакетик для монет, который носил в портмоне специально для

таких случаев.

Топляк гулял по городу. Настоящий убийца дышал этим же воздухом, завязывал свои идеальные морские узлы и смотрел, как менты пытаются списать его работу на пьяных мужей.

Ливень 1994 года смывал кровь в канализацию Петроградской стороны.

Ветер налетел внезапно, швырнув в лицо Весеи горсть ледяной взвеси. Она вздрогнула и открыла глаза.

Она сидела на жестком стуле в дежурной части отдела полиции. Голова гудела, во рту стоял вкус дешевого автомата с растворимым кофе. Рядом храпел, уронив голову на стол, тот самый прапорщик Сомов.

Три сорок пять утра. Прошло двадцать минут после приезда Зотовой. Главная следовательница уже объявила план «Перехват-Водосток», выставила посты на мостах и укатила пить свой безупречный эспрессо в Главк, оставив районных собирать грязь.

Весея потеряла виски. Галлюцинация от недосыпа? Нет. Флешбэк был слишком четким. Узлы сошлись. Деталь трид-

цатилетней давности легла поверх сегодняшней реальности, как трафарет.

Она вытащила из кармана чужой куртки смартфон. Старый альбом дела «Топляк» хранился в цифровом архиве управления, доступ к нему был у любого опера второго звена.

Пальцы быстро набрали пароль. Раздел: «Нераскрытые серийные убийства. Архив 1990-1996».

Фотография номер четыре. Жертва Смирнова Е.В., апрель 1995. Увеличить. Шея.

Узел. Идеальный ромб. Три петли.

Следующее фото. Август 1995. Жертва Коваленко О.П. Увеличить. Отсутствие шнурков.

Совпадение составляло сто процентов. Копия. Кто-то не просто подражал. Кто-то восстанавливал картину по чертежам, недоступным широкой публике. Фотографии узлов в прессу никогда не попадали, их видели только следаки того времени.

— Василевская, — раздалось над ухом.

Веселя едва не пролила холодный кофе на клавиатуру. Перед ней стоял Лапшин. Выглядел он еще хуже, чем на улице.

— Я подписал рапорт, — сказал майор, кладя перед ней бумагу. — О твоём временном прикомандировании ко мне.

До выяснения обстоятельств. Поздравляю, звезда сыска. Теперь эта кровь — твоя головная боль.

— Почему я? — выдохнула Весея. — У меня дел по квартирам гора.

— Потому что ты единственная, кто не блевал в кусты, — усмехнулся Лапшин, но глаза остались серьезными. — И потому что Зотова тебя терпеть не может. Значит, мешать бизнесу не будет. Собирайся. Поедем в морг. Хочу, чтобы наш медик посмотрел на шею до того, как Зотова пришьет туда своего человека.

Весея взяла ручку. Холод металла отрезвлял. Она взглянула на чистый бланк объяснения.

На столе дребезжал старый городской телефон, но никто не брал трубку. Где-то там, в тумане Петроградской стороны, под другим тополем или в другой парадной, человек с мотком бельевой веревки ждал наступления рассвета.

Глава 2. Архивная пыль и мертвые петли

Утро в управлении на Литейном пахнет одинаково во все времена: мастикой для паркета, выдохшимся озонатором, которым безуспешно пытаются забить запах столетней пыли, и усталостью. Усталость здесь имеет физическую плотность — она оседает на подоконниках серым налетом, висит в воздухе табачным дымом, хотя курить внутри запретили еще при прошлом мэре, и впитывается в казенную обивку стульев.

Я ненавидела этот запах. Мой отдел по борьбе с имущественными преступлениями находился двумя этажами выше, там всегда было светло от панорамных окон и пахло кофе из капсульной машины. Здесь, в недрах бывшего «убойного», куда меня сослали Лапшин под предлогом временного прикомандирования, окна выходили в глухой колодец двора. Свет едва пробивался сквозь вековую грязь двойных рам, превращая лица людей в посмертные маски.

На моем столе высилась гора бумаги. Настоящей, бумажной, пожелтевшей по краям. В двадцать шестом году, когда

нейросети пишут протоколы за секунды, а улики сканируют лазерными лучами, дело «Топляка» выглядело как вызов всей современной криминалистике. Пять томов. Каждый толщиной с кирпич.

— Кофе будешь, Василевская? — Лапшин бухнул передо мной пластиковую кружку с бурой жижей. На его небритом лице читалась тяжелая работа мысли, которая обычно заканчивалась тем, что он шел писать рапорт о списании бензина. — Зотова звонила. Рвет и мечет. Сказала, если ты до обеда не родишь версию про сумасшедшего сталкера-реконструктора, она заберет у нас дело в Главк. А тебя отправит регулировать движение на Невский.

— У сталкеров нет доступа к технологии вязки бегущего булиня такой сложности, — я даже не подняла головы от третьего тома. Пальцы были уже черными от типографской краски старой копирки. — Майор, посмотрите на это.

Лапшин тяжело опустился на стул, который жалобно скрипнул старыми пружинами. Он заглянул в раскрытую папку через мое плечо.

— Что я тут должен увидеть? Протокол допроса дворника дяди Миши? Дядя Миша был пьян, ничего не видел, но слышал крик чайки. Стандартная классика девяностых.

— Не то. Смотрите сюда. Описание места происшествия номер два. Март девяносто пятого. Жертва — гражданка Седова. Найдена на набережной Робеспьера. Эксперт-криминалист Зимин Илья Борисович. Лично. Изымает образцы биоматериала. Под ногтями жертвы — кровь и эпителий нападавшего. Образец упакован в конверт, опечатан. Направлен в лабораторию ЭКО Кировского РУВД. Результат анализа... отсутствует.

Я перелистнула страницу. Сухой звук бумаги резал слух.
— Том четыре. Июнь девяносто пятого. Жертва Игнатьева. Волосы на куртке преступника. Группа крови на асфальте (выблевал кровью после удара потерпевшей). Смыв взят. Результат...

— Да где же он... — Лапшин сощурился, водя пальцем по строчкам. Его палец остановился. — Тут пустое место. Как будто лезвием вырезали.

— Ничего не вырезали, — я подвинула к нему настольную лампу, направляя свет на лист. — Вот микроволокна бумаги. Текст стирали химически. Растворителем на основе ацетона. Это видно по изменению цвета листа вокруг строки. Они удаляли данные о группе крови. Системно. По всем пяти жертвам Топляка, где биологику удалось собрать.

Лапшин откинулся на спинку стула так сильно, что дерево затрещало. Он снял очки и начал протирать их полой засаленного пиджака.

— Ты хочешь сказать, экспертный отдел тогда работал вслепую?

— Я хочу сказать, что в деле серийного убийцы, которого трясли на уши весь город, отсутствуют базовые вводные. ДНК-тестов тогда толком не делали, страна только училась читать генетический код. Но группа крови — это база. Ее нет. Зато есть другое.

Я открыла первый том, самый тонкий. Постановление о возбуждении дела.

— Первое убийство произошло в феврале девяносто четвертого. Последнее, официально приписанное Топляку — в августе девятого пятого. Дальше серия обрывается. Хотя почерк тот же. Узлы те же. Отсутствие шнурков то же.

— Ну и слава богу, что обрывается, — буркнул майор. — Значит, сдох или сел за другое.

— Нет. Официально арестован Сергей Валерьевич Глебов, разнорабочий, бомж. Взяли его в декабре девяносто пятого. При нем нашли веревку и ботинки одной из жертв. Шнурки срезаны. Прямых улик ноль, кроме этих ботинок, которые ему явно подбросили опера, чтобы закрыть висяк. Глебов сидит в СИЗО, пишет жалобы прокурору, слюной брызжет. В марте девяносто шестого Глебов умирает в «Кре-

стах». Причина: открытая форма туберкулеза. Дело закрывают в связи со смертью обвиняемого.

Я достала из сумки свой планшет, включила камеру и начала фотографировать чистые пятна в старых протоколах.

— Но смотри на даты смерти Глебова. Март девяносто шестого. А последнее убийство *в стиле* Топляка происходит в ноябре девяносто седьмого. Через полтора года после того, как маньяк умер от кашля в тюремной больнице.

Лапшин замер с очками в руках. Стекла поймали тусклый свет лампы, сверкнув, как лед.

— Погоди. Ноябрь девяносто седьмого? Но в официальной сводке серии конец стоит август девяносто пятого.

— В официальном — да. Но архивариус внизу, пока выдавал мне ключи от хранилища, шепнул, что пятый том — неполный. Есть приложения. Секретка. Которую изъяли из общего доступа в двухтысячном году.

В кармане завибрировал телефон. На экране горел контакт «Зотова». Вызов я сбросила. Если я сейчас отвечу, услышу лишь высокомерное шипение о дедлайнах. Мне нужно было закончить здесь.

— Собирайся, — сказала я, вставая. Колени неприятно хрустнули. — Мы едем в старый архив ГУ МВД. Тот, что

в подвале на Захарьевской. Если кто-то стер группу крови из открытых протоколов, он мог забыть про журналы вещдоков. Или про акты уничтожения.

Подвал на Захарьевской встретил нас холодом склепа. Здесь не было времени. Только бесконечные стеллажи из крашеного металла, уходящие в темноту, и гул вытяжки. Пахло мокрым бетоном, мышами и тленом.

Хранитель архива, седой старичок в толстых линзах, похожий на высохшую библиотекаршу, долго смотрел на мой временный пропуск.

— Девочка, дела девяностых годов — это радиация, — просипел он, надевая нитяные перчатки. — Вы думаете, вы первые роетесь в грязном белье Орловых? Тогда ведь половина главка полетела, когда выяснилось, что они крысятничали гуманитарку. Дело Топляка тянуло за собой такие хвосты, что мама не горюй.

Старик медленно, шаркая стоптанными тапочками, повел нас в секцию «С-О».

— После того как Глебов склеил ласты, приказ пришел сверху. Засекретить всё, что касается связей фигурантов. А фигурантами там были не только алкаши с окраин.

— Какие связи? — спросил Лапшин, подсвечивая фона-

риком телефона корешки дел.

— Логистика. Склады. Медикаменты. В девяносто четвертом пропала партия инсулина и антибиотиков прямо с таможни. Миллионов на десять по тем деньгам. Искали шумно. А потом бах — и появляется Топляк. Общественность пугается, милиция героически ищет психа. Удобная ширма, правда? Пока люди смотрят на трупы с веревкой на шее, они не смотрят на накладные.

Мы остановились у секции «Дело оперативного учета №44-Бис». Старик открыл решетку своим огромным кольцом ключей.

— Вот ваше счастье. Материалы оперативной разработки группы предпринимателей. Там и ваш Топляк мелькает. Вернее, его родной брат.

Он вытащил картонную коробку, перевязанную бечевкой. Обычной хозяйственной бечевкой, от которой веяло чем-то зловещим, учитывая мою утреннюю находку.

Коробка была легкой. Слишком легкой для пяти лет работы опергруппы.

Я перерезала узел перочинным ножом. Внутри лежало три тоненьких папки-скоросшивателя. И больше ничего. Ни кассет, ни дискет, ни пакетов с уликами.

— Где остальное? — прошипела я. — Где вещдоки? Где

коробка с образцами волос?

— А вот это правильный вопрос, — старик поправил очки. — Согласно акту инвентаризации от десятого января две тысячи второго года, вещественные доказательства по делу «Топляк» были переданы на повторную молекулярную экспертизу в федеральную лабораторию. Подписано генералом... секунду... Орловым. Виктором Семеновичем. Нынешним замминистра внутренних дел.

Лапшин грязно выругался. От крепкого духа подвального табака у него покраснели глаза.

— То есть тридцать лет спустя, когда Орлов пошел на повышение, он решил освежить память по старым делам? Зачем? Чтобы похоронить концы надежнее?

— Или чтобы забрать себе, — тихо ответила я.

Я открыла первую папку. Это были агентурные сообщения. Чеки, слежка. Читать это было невыносимо скучно, пока я не дошла до страницы сороковой. Справка-меморандум.

«Источник сообщает, что груз медикаментов сопровождал лично начальник охраны фирмы "Балт-Трейд" гражданин Зимин Илья Б., действующий под легендой отставного мичмана...»

Я перечитала фамилию. Зимин. Наш эксперт-криминалист из девяносто четвертого. Тот самый, чей взгляд стоял у

меня перед глазами, когда я смотрела на тело сегодня ночью.

Эксперт, который собирал волосы и кровь, сам оказался связан с хищением груза? Или внедрился?

— Майор, — позвала я. — Посмотрите на дату этого меморандума. Двадцатое мая девяносто пятого. За три месяца до ареста Глебова.

Лапшин наклонился. Его лицо вдруг стало жестким, собранным, сбрасывая маску уставшего циника.

— Три месяца... И ровно через неделю после этой справки совершается третье убийство. Самое жестокое. Женщину не просто удавили. Ей вскрыли брюшную полость. Забрали сумку с документами на транзит. Документов тоже нет в коробке.

Меня бросило в жар. Третье убийство. Я снова вспомнила слова Лапшина на месте преступления: *«Я уже видел этот фасон»*.

Если Зимин вел разработку банды воров-медиков, а убийства начали происходить именно в период активной фазы операции, значит, связь между ними прямая. Кто-то заметал следы. Маньяк ли устранял свидетелей кражи, или сами оперативники использовали имидж маньяка как идеальное прикрытие для ликвидации курьеров конкурирующей группировки?

— Здесь список всех, кого разрабатывал Зимин, — Лапшин ткнул пальцем в таблицу. — Семь человек. Трое убиты в девяносто пятом. Один погиб в автокатастрофе. Двое исчезли. Один... вот. Владимир Романов. Сын первой жертвы. Пропал без вести в девяносто шестом. Объявлен в федеральный розыск как предполагаемый член ОПГ.

Сын. Первой. Жертвы.

Картинка сложилась с тошнотворным щелчком дешевого фотоаппарата.

Мать Владимира Романова убита в феврале девяносто четвертого. Первая в списке Топляка. Мальчику тогда было восемь лет. Он исчезает в девяносто шестом — сразу после смерти Глебова в тюрьме.

Что, если настоящий убийца никогда не сидел в «Крестах»? Что, если мальчик вырос, узнал правду о том, кто на самом деле приходил к ним в квартиру той февральской ночью, и теперь, спустя тридцать лет, методично убивает тех, кто помог настоящему преступнику надеть петлю на шею его матери, а потом спрятаться за спину спившегося Глебова?

И делает это руками старого эксперта Зимина? Или используя его старые слепки? Информацию, которую знает только следственная группа того времени?

— Нам нужен Зимин, — сказала я, захлопывая папку.

Пыль взметнулась облачком. — Живой. Сейчас же.

— Думаешь, старый хрен доживет до вечера? — мрачно усмехнулся Лапшин, пряча одну из папок во внутренний карман куртки. — Зотова нас сожрет. Мы лезем в огород заместителя министра без санкции прокурора. Это не карьера, Василевская. Это билет в один конец до Нижневартовска участковым.

— Пусть попробует, — я посмотрела на часы. Десять утра. — Сначала я должна понять, почему в официальных актах экспертизы написано, что группа крови преступника — вторая положительная, а на полях карандашом, рукой самого Зимина, нацарапано: «Смыв контаминирован. Кровь принадлежит жертве. Следов нападавшего в смыве нет».

Кто-то очень хотел, чтобы собака шла по ложному следу. И эта собака вела прямиком в тюрьму, к туберкулезному больному Глебову, пока настоящие волки рвали глотки свидетелям в тихих дворах Петроградки.

Телефон в кармане разразился новой трелью. На этот раз неизвестный номер. Я нажала кнопку ответа, прижимая плечом трубку к уху, продолжая собирать листы.

— Капитан Василевская слушает.

В ответ раздалось только дыхание. Тяжелое, астматическое. А затем — ровный, спокойный голос, в котором не бы-

ло ни капли безумия:

— Вы ищете узлы, капитан. Но смотрите мимо петель. Сегодня вечером обратите внимание на мосты. Львиный мостик. Я оставил вам подарок. Такой же, какой отец оставил мне.

Щелчок отбоя. Гудки.

Лапшин перестал застегивать пуговицы.

— Кто это был?

— Человек, который завязывает идеальные узлы, — горло пересохло. — И он знает, что мы открыли коробку.

Глава 3. Хищник в кашемире

В Главном управлении Следственного комитета на Мойке, двенадцать пахло властью. Это был специфический аромат дорогого парфюма с нотами уда и кожи, смешанный с запахом новой типографской краски от еще не высохших глянцевого обложек журнала «Федеральный вестник». Маргарита Зотова была плоть от плоти этого места. Она не просто работала в системе — она была ее идеальным маркетинговым лицом.

Когда мы с Лапшиным вернулись из архива, серый гранит набережной казался предвестником беды. У дверей морга, куда нас вызвали для предварительной сверки протоколов, стояло три черных внедорожника тонировкой в ноль. Номера серии АМР лениво поблескивали под мелким дождем. Охрана в одинаковых темных пальто стояла так неподвижно, что их можно было принять за элементы ландшафтного дизайна.

— Приехала комиссия по нравственному оздоровлению, — процедил Лапшин, сплевывая на мокрую плитку. — Сейчас начнется театр одного актера.

Зотова встретила нас в секционном зале. Висящее тело уже убрали на каталку, прикрыв серой клеенкой, но запах формалина и чего-то сладко-гнилостного все еще висел в воздухе густым маревом. Сама Маргарита выглядела так, словно зашла сюда после бранча в отеле «Астория». Идеально скроенное пальто цвета бургунди, которое стоило как моя годовая зарплата, высокие замшевые сапоги без единого пятнышка грязи и бриллиантовые пусеты, ловившие свет люминесцентных ламп.

На фоне обшарпанных зеленых стен морга и нашего помятого вида она смотрелась инопланетянкой.

— Господа районные сыщики, — пропела она, даже не поворачивая головы в нашу сторону. Она смотрела в свое отражение в металлической дверце шкафчика, поправляя выбившийся локон. — Я смотрю, вы решили превратить резонансное дело о серийном убийце в любительский кружок юных археологов? Что это за самодеятельность с архивами девяносто четвертого года? Вы понимаете, какой информационный фон сейчас создается?

Она наконец соизволила повернуться. Глаза у нее были светло-серые, прозрачные и абсолютно пустые. Как стальные шарики.

— Капитан Василевская, если мне не изменяет память, вы

числитесь за отделом имущественных хищений. Квартирные кражи, велосипеды, пьяные драки на парковках. Серийные маньяки — это лига другого веса. Здесь нужна психология, а не умение отличать замок «английский» от замка «краб».

Меня окатило жаром. Не от стыда — от бессильной злобы. Эта женщина видела во мне не коллегу, ищущую связь между трупом и государственной коррупцией, а досадную статистическую ошибку, мешающую красивой картинке в вечерних новостях.

— Мы искали прецеденты, товарищ полковник юстиции, — ответила я, стараясь держать голос ровным. — Узлы на веревке имеют свою историю. Это почерк.

Зотова медленно подошла ко мне. От нее пахло озоном и гвоздикой. Она нависла надо мной, пользуясь преимуществом в росте и каблуках.

— Почерк, Василевская, пишут журналисты в своих желтых статейках, чтобы поднять тираж, — тихо сказала она, глядя мне прямо в переносицу. — А следователь пишет обвинительное заключение. У вас есть подозреваемый? Нет. У вас есть мотив? Нет. Зато у вас есть красивая сказка про призраков перестройки. Знаете, что бывает с операми, которые верят в сказки вместо того, чтобы работать с агентурой? Они вешают глухарей на первого встречного маргинала. Или сами становятся фигурантами служебных проверок.

Лапшин крикнул, переминаясь с ноги на ногу. Он ненавидел эти игры престолов, но знал правила: перед генеральскими женами и протеже министра нужно стоять по стойке смирно.

— Маргарита Эдуардовна, мы просто расширяем периметр поиска...

— Ваш поиск закончен здесь, майор, — отрезала она, переключив внимание на него. — Приказом руководства города создана межведомственная оперативная группа. Руководитель — я. Старший оперуполномоченный... — она сделала паузу, театрально доставая планшет. — Лейтенант Сомов. Да-да, тот самый, который вчера блевал в кусты. Ему нужно расти над собой. Свежий взгляд, незамутненный академическими знаниями.

Это был удар ниже пояса. Назначить моим начальником человека, чей интеллектуальный потолок заканчивается на поиске украденной магнитолы.

— А я? — спросила я, чувствуя, как немеют пальцы.

— А вы, капитан, возвращаетесь к своим баранам. То есть, к квартирным кражам. Если генерал подпишет ваш рапорт о переводе в мой отдел, мы обсудим ваше участие. Возможно, вам доверят носить кофе. Свободны.

Очередной холодный душ реальности всегда отрезвляет лучше любого эспresso. Но вместо того, чтобы поехать в свой уютный кабинет разбираться с заявлением о краже электросамоката (дело всей моей жизни), я поехала в пресс-службу ГУ МВД.

Если меня официально отстранили от следствия, значит, мои руки развязаны для неофициальной работы. Зотова совершила классическую ошибку самоуверенного хищника: она решила, что загнала дичь в угол, хотя сама только что вошла в клетку.

Пресс-служба гудела, как растревоженный улей. На большом экране крутили нарезку кадров с места преступления. Дрон телеканала «Невский-24» давал отличную картинку сверху: желтый пластиковый контур вокруг тела, вспышки фотокамер, суета. Голос диктора за кадром вещал бархатными обертонами:

«Петербург вновь замер в страхе. Эхо кровавых девяностых вернулось на набережные Невы. Кто этот новый Топляк? Одиночка или часть страшного плана по дестабилизации региона?»

Я села в дальнем углу, за терминал внутренней сети. Доступ к камерам внешнего наблюдения по городу теперь шел

через нейросеть «Сокол», распознающую лица в потоке. Но старые записи, те, что не попадают в облако сразу, хранились на серверах РУВД еще сутки до архивации. Туман сегодня ночью был слишком плотным для хорошей оптики патрульных машин, но камеры банков работали иначе.

Я ввела параметры сектора. Петроградская сторона. Время с двух до четырех ночи. Радиус триста метров от тополя.

Первые сорок минут — ничего. Серая муть. Фары редких такси. Потом картинка очистилась. Ветер разогнал остатки облаков.

Вот оно.

Черная фигура. Мужчина. Рост средний. Пальто мешковатое, скрывает фигуру. Камеры банка «Санкт-Петербург» снимали его со спины, когда он выходил из арки дома номер восемь. Он двигался странно — плавно, почти скользя по брусчатке. Так ходят люди, привыкшие к палубе корабля, а не к асфальту.

Он остановился ровно под фонарем. Посмотрел вверх, на окна жилого дома. И сделал странное движение рукой. Будто перекрестился, но наоборот — снизу вверх, коснувшись лба костяшками пальцев. Жест старого моряка, читающего молитву перед штормом. Или жест прощания.

Затем он поднял воротник и исчез в темноте переулка.

— Нашла что-то интересное, птичка? — раздалось прямо над ухом.

Я едва не разбила нос о край монитора. Зотова стояла сзади. Когда она успела подойти? Ни один каблук не скрипнул. Она двигалась абсолютно бесшумно, как змея.

— Изучаю маршруты общественного транспорта, — буркнула я, пытаюсь закрыть вкладку комбинацией клавиш. Слишком поздно.

Ее рука в тонкой кожаной перчатке легла поверх моей на мышь. Ногти были острижены коротко, покрыты бесцветным лаком. Идеальные ногти следователя, никогда не знавшего мозолей от затвора пистолета.

— Оставь, — она мягко нажала на мою руку, не давая убрать курсор с изображения. — Хороший кадр. Видишь, какая осанка? Аристократическая. Никакой сутулости пролетариата. Наш мальчик из хорошей семьи. Интеллигент во втором поколении.

Она обошла стол и встала сбоку, заслонив собой тусклый свет лампы. Теперь ее лицо было в тени, и я видела только силуэт и блеск глаз.

— Зачем ты полезла в архив, Весея? — тон сменился. Из начальственного шипения он превратился в почти друже-

скую беседу. Это пугало больше всего. — Дело мертво тридцать лет. Там нет живых концов. Только гнилые нитки, за которые дергать опасно. Можно обрушить на себя весь прогнивший потолок системы.

— Система давно рухнула, Маргарита Эдуардовна. Остались только подвалы.

— Именно. И в этих подвалах водятся крысы размером с собаку. Ты нашла протоколы Зимина?

От неожиданности я сглотнула. Воздух в комнате стал густым, как кисель. Она знала. Она знала всё с самого начала.

— Я исполняла поручение Лапшина...

— Брось, — она улыбнулась одними губами. — Илья Борисович Зимин. Легенда экспертной службы. Человек, который послал генерала Громова матом в девяносто шестом и вылетел на пенсию без выходного пособия. Живет где-то в районе Комендантского аэродрома, выращивает гортензии и пьет паленый коньяк. Почему тебя понесло именно к нему?

— Его подпись стоит на первичных актах осмотра первой жертвы девяносто четвертого, — я решила играть ва-банк. Раз уж карты вскрыты, прятать туза бессмысленно. — И он единственный писал в примечаниях, что узел вязал левша. Глебов был правой.

Зотова молчала секунд десять. Она смотрела на черный

экран моего монитора, где застыло изображение мужской спины.

— Левша... — повторила она задумчиво. — Интересная деталь. Которая полностью ломает версию сумасшедшего подражателя. Подражатель смотрит кино и газетные вырезки. В газетах не писали про левшей. Значит, у него есть первоисточник. Старый том дела. Или старый мент.

Она резко развернулась на каблуках. Сапоги издали тихий, влажный чавкающий звук.

— Ладно, Василевская. Поиграем. Мне не нужны тупые исполнители. Мне нужен кто-то, кто будет нюхать землю там, куда я не могу направить официальный запрос. Министры не любят, когда им присылают повестки из районного морга.

Она достала из сумки визитку. Черный картон, золотые буквы. Никаких должностей. Только имя и личный мобильный номер.

— Твоя официальная должность остается прежней. Квартирные кражи. Но фактически с этой секунды ты работаешь на меня. Найди Зимина. Поговори с ним. Без протокола. Узнай, кому он рассказывал свои байки про левшу последние пять лет.

— А если он откажется?

— Тогда напомни ему, что пенсия государственного слу-

жащего — вещь хрупкая. Особенно если внезапно выяснится, что при выходе на заслуженный отдых он забыл сдать табельное оружие, которое числится утерянным. Поняла задачу?

Я взяла визитку. Картон был тяжелым и холодным.

— Поняла, товарищ полковник.

— Умница, — она похлопала меня по плечу, как скаковую лошадь. — И да, Василевская. Забудь про Орлова. Заминистра неприкасаем. Любая попытка копать под него закончится тем, что твой рапорт о переводе окажется в мусорном ведре, а твое личное дело украсит статья за разглашение тайны следствия. Работай по низовому уровню. Маньяк внизу. Политика — это иллюзия.

Она направилась к выходу, царственно покачивая бедрами. У самой двери остановилась, бросив через плечо, не оборачиваясь:

— Кстати, звонил аноним. Сказал, что подарок ждет нас на Львином мостике. Третья гирлянда от Малой Конюшенной. Судя по описанию узла, наш друг решил выйти из сумрака.

Дверь закрылась. Звук защелки прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Я осталась одна в шумной пресс-службе. В кармане лежа-

ла черная визитка, ставшая моим входным билетом в смертельную игру. В голове стучала мысль: *Третья гирлянда*.

Первая жертва — мать Романова. Вторая — бухгалтер логистической фирмы. Третья должна быть кем-то важным. Кем-то, кто свяжет оборванную нить тридцатилетней давности.

Я посмотрела на часы. Было начало второго дня. До темноты оставалось часов шесть.

Зотова использовала меня как живца. Она знала, что я пойду к Зимину. И она хотела знать, что скажет старик. Но я тоже собиралась использовать эту ситуацию. Чтобы добраться до Зимина, мне нужен был пропуск туда, куда простых оперов не пускают. И Зотова мне этот пропуск только что выписала своими руками.

Но прежде чем ехать к черту на кулички, нужно проверить Львиный мостик. Нельзя игнорировать такие приглашения. Люди, оставляющие идеальные петли в центре туристического Петербурга, обычно очень обижаются, если гости приходят без подарка.

Глава 4. Диафрагма и выдержка

Львиный мостик пахнет мокрым деревом, тиной и туристическим потом. Даже в ноябре, когда сезон белых ночей давно забыт, а с неба сыплется колючая морось, здесь всегда стоят люди с телефонами. Золото крылатых львов потускнело от выхлопов, но все еще пытается сиять.

Мы приехали сюда через двадцать минут после звонка Зотовой. Территория была оцеплена лениво: две патрульные машины включили «люстры» исключительно для того, чтобы разогнать зевак, мешающих проезду. Никакого трепета перед местом новой трагедии — обычная рутина.

Третья гирлянда от Малой Конюшенной. Я шла вдоль чугунных перил, всматриваясь в электрические фонари, стилизованные под газовые. Желтый свет едва пробивал туман. Под первой гирляндой стоял Сомов, натянув капюшон до самого носа, и пытался не смотреть вниз, на воду. Под второй курил кинолог с собакой — немецкая овчарка нервно покусывала, чуя запах воды и смерти.

— Здесь, — коротко бросил Лапшин.

Труп висел на декоративной цепи, удерживающей перила моста со стороны канала Грибоедова. Человек сидел на узком каменном карнизе над черной водой, свесив ноги. Со стороны казалось, что он просто решил отдохнуть, любуясь отражением огней. Иллюзия разрушалась только при взгляде на шею. Та же самая веревка. Тот же самый сложный хирургический узел, завязанный так высоко на затылке, что палачу пришлось бы стоять на ящике или использовать систему блоков.

Но главное было не это. Воротник дешевого драпового пальто был откинут. На груди жертвы, прямо поверх серой рубашки, лежал пластиковый бейдж. Обычный корпоративный пропуск с магнитной полосой. Фотография улыбающейся женщины лет пятидесяти. Надпись: *«Орлова Елена Викторовна. Департамент стратегического планирования. Минюст РФ»*.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с ноябрьской сыростью. Сестра замминистра Орлова. Третья жертва. Копиист перешел от свидетелей хищений девяностых к их прямым выгодоприобретателям. Это уже не месть прошлого. Это объявление войны настоящему.

— Как быстро, — раздался голос у меня за спиной.

Зотова стояла в метре от меня. Она сняла свои дорогие сапоги и переобулась в высокие резиновые сапоги Hunter цвета хаки. Практичность торжествовала над эстетикой, но даже в рыбацких ботинках она выглядела как модель из каталога аутдор-экипировки.

— Он ускорится, — констатировала она, глядя на висящее тело без тени страха или безгливости. — Третий труп за тридцать часов. График уплотняется. Психоз нарастает.

— Или план входит в финальную стадию, — возразила я. — Он убивает тех, кто подписывал бумаги. Осталось двое-трое, судя по спискам Зимина.

Зотова перевела на меня свой прозрачный взгляд.

— Василевская, вы слишком много думаете. Думать буду я. Ваше дело — периметр. Опросите всех владельцев квартир с видом на этот сектор. Кто-то должен был видеть вспышку фары или слышать звук лебедки. Чтобы поднять взрослого человека на высоту трех метров бесшумно, нужна механика.

Она отвернулась, доставая телефон. Разговаривала она тихо, но я знала эти интонации. Доклад наверх. Министру? Орлову? Мысль о том, что полковник юстиции сейчас докладывает детали места убийства сестры своего главного политического оппонента человеку, который может быть заказ-

чиком этого убийства, казалась абсурдной. Но в этой системе логика работала иначе.

Весея отошла к парапету, делая вид, что изучает протокол осмотра, составленный участковым. На самом деле она смотрела на окна дома напротив. Старый фонд, фасад после дорогого ремонта, кондиционеры скрыты декоративными корзинами. Элитное жилье. Окна четвертого этажа, выходящие точно на мост, были плотно зашторены тяжелыми бархатными портьерами.

Обычные жители во время такого шума открывают шторы. Любопытство — базовая человеческая черта. Плотные шторы днем означают либо отсутствие хозяев, либо желание скрыть то, что происходит внутри, от глаз снаружи. И от оптики дронов Росгвардии, которые наверняка уже нарезают круги над крышами.

Щелк. Тихий, сухой звук затвора профессиональной фотокамеры. Не смартфона. Механика.

Звук шел сверху. Из-под фронтона здания, где лепнина скрывала небольшой технический балкон для мойщиков окон. Место идеальное: угол обзора сорок пять градусов, цель как на ладони, сам наблюдатель скрыт выступом карни-

за.

Весея медленно, стараясь не делать резких движений, подняла голову. Бархатная штора на нужном окне едва заметно дрогнула. Там была щель. Шириной ровно в объектив длиннофокусной линзы.

Он наблюдал. Владимир Романов находился там, наверно. Сидел в тепле, пил, возможно, чай, и смотрел, как внизу суетятся муравьи-полицейские вокруг его инсталляции. Для него это не преступление. Для него это кураторский показ в галерее современного искусства. Инсталляция «Эхо». Материал: коррупция, страх, бельевая веревка. Техника исполнения: архивная точность.

Сердце забилося где-то в горле. Если я побегу туда сейчас, спугну его. Он растворится через черный ход, которых в этом доме три. У нас нет ордера. Мы вообще здесь незаконно, согласно букве приказа Зотовой — мы должны опрашивать дворников, а не лезть в дела министерских семей.

Нужно зайти с другой стороны. Технической.
— Майор! — позвала я Лапшина. — Запросите данные провайдеров по этому дому. Мне нужен список жильцов с выделенными IP-адресами, оформленными на физлица. И биллинг сотовых вышек за последние два часа. Проверьте

частоту LTE-900, ищите усилители сигнала. Если он снимает отсюда, ему нужна чистая картинка, значит, канал связи мощный.

Лапшин посмотрел на меня с уважением. Он понял: я не полезу штурмовать квартиру с шашкой наголо. Я обложу звеня красными флажками цифрового следа.

— Думаешь, наш мальчик идиот и сидит в домашнем интернете?

— Нет. Но роутер есть в любой квартире. Даже если он использует VPN и спутник, первичный сигнал идет по воздуху. Ему нужно передавать тяжелые файлы. А самое главное... запросите базу ЦАФАП. Фиксация всех машин, проезжавших по набережной канала Грибоедова в радиусе километра за последний час. Он привез жертву не пешком. Туфли...

Я осеклась. Взгляд снова упал на ноги убитой. Дорогие лодочки телесного цвета. Лакированная кожа блестела даже в тусклом свете фонарей.

Странность. Первая жертва вчера утром была найдена босиком, шнурки исчезли. Вторая жертва — тоже без обуви ниже щиколоток. А эта женщина обута. Причем обувь выглядит дорогой, совершенно новой. Размер маленький, аристократический. Совсем не похожий на массивную стопу Елены Орловой, чьи антропометрические данные можно найти в любом утекшем в сеть файле госслужащих. Женщина носи-

ла размер сорок первый, максимум сорок второй, из-за высокого роста. Эти туфли — тридцать восьмой.

Это не ее обувь.

Романов принес их с собой. Он одел мертвую женщину в купленные накануне туфли. Зачем? Чтобы изменить рост? Нет. Чтобы запутать трасологическую экспертизу. Новая подошва не имеет следов износа, микротрещин и рисунка походки. Лаборатория получит чистый слепок, который ведет в никуда — в любой масс-маркет магазин города. Он стер одну улику, заменив ее другой, бесполезной. Идеальный контроль хаоса.

— Что ты сказала про туфли? — Зотова оказалась рядом мгновенно. Она бросила телефон в карман.

— Обувь левая, — кивнула я на ноги покойницы. — Куплена сегодня. Чеки из интернет-магазина еще лежат в коробке доставки у него дома. Жертву убили, скорее всего, в другом месте, раздели частично, чтобы забрать родную одежду с биологией, привезли сюда, обрядили в реквизит и подвесили.

Зотова прищурилась, переводя взгляд с моих глаз на мост. Впервые за утро в ее лице появилось нечто похожее на живой интерес.

— Ты опасна, Василевская. Когда притворяешься дуроч-

кой, тебя недооценивают. Хорошо. Бери Лапшина. Дом напротив. Квартира на четвертом этаже, окна на воду. Шторы закрыты. Нужен повод войти. Найди его. Любой ценой. Если найдете оптику или следы крови — звоните мне напрямую. Я прикрою обыск задним числом через судью Филиппову. Исполняйте.

Она ушла отдавать распоряжения экспертам-криминалистам, которые подъехали наконец на своем ядовито-желтом фургоне.

Лапшин посмотрел ей вслед, затем сплюнул.

— Филиппову? Эта дама подпишет разрешение на обыск в Ватикане, если Зотова попросит. Держись ближе к стене, капитан. Сейчас начнется стрельба, просто патроны будут прокурорскими.

Подъезд охранялся консьержем, смотревшим на мир сквозь экран старенького Samsung. Пенсионер МВД, бдительный и скучающий.

— Служба безопасности администрации района, — бросила я, помахивая перед его носом корочками Лапшина (свои я оставила в отделе намеренно, чтобы не оставлять лишних записей в журнале посетителей). — Проверка анти-террористической защищенности жилого фонда. Соседи жа-

луются на незаконную перепланировку и мощное серверное оборудование в квартире четыреста двенадцать. Грется весь стояк.

Консьерж нахмурился, разглядывая фотографию майора. Удостоверение было старым, времен перехода полиции в полицию, печать чуть смазана. Идеально для таких случаев.

— В четыреста двенадцатой живет приличный человек. Художник-фотограф. Никогда жалоб не было. Музыку громко не включает.

— Вот именно поэтому мы и пришли, — мягко вступил Лапшин. — Хороший фотограф знает толк в освещении. А у вас тут лампочка на лестничной клетке перегорела. Темнота — друг молодежи, но враг участкового. Вызовем МЧС, вскрыем дверь болгаркой, перебудим весь дом. Оно вам надо?

Старик вздохнул, снял трубку древнего дискового телефона и набрал номер. Короткие гудки. Никто не берет трубку.

— Дома нет, наверное. Уходят они рано, со штативом куда-то бегают.

— Мастер ищет натуру, — кивнул Лапшин. — Открывайте, гражданин начальник. Посмотрим на экспозицию.

Ключ повернулся в замке с тяжелым, маслянистым скри-

пом. Петли хорошей немецкой двери никогда не должны так скрипеть. Значит, петли регулярно смазывают, чтобы они работали идеально тихо. Профессиональная деформация заставляет замечать такие мелочи.

Дверь открылась в темноту. Пахнуло озоном, запахом специфической химии для чистки матриц фотоаппаратов и чем-то сладковато-металлическим. Так пахнет старая кровь на ткани, если ее пытались вывести хлоркой.

— Стоять! Полиция! Руки на стену! — рявкнул Лапшин, врываясь первым и включая тактический фонарь. Узкий луч света разрезал полумрак прихожей, выхватывая из тьмы ряд одинаковых черных зонтов-тростей, выстроенных в подставке идеально ровным строем.

Квартира была студией. Огромное пространство, минимум мебели. Белые стены, бетонный пол. Слева — кухня в стиле хай-тек. Справа — спальня, отделенная лишь стеклянной перегородкой. А прямо по курсу, занимая всю торцевую стену — панорамное окно во всю высоту.

Окно было открыто. Верхняя фрамуга зафиксирована цепочкой. Щель сантиметров десять. Достаточно, чтобы высунуть ствол винтовки с глушителем или руку с камерой. Тюлевая занавеска едва заметно колыхалась от сквозняка.

На подоконнике стоял профессиональный цифровой задник Phase One. Камера стоимостью с хорошую квартиру в центре Питера еще была теплой. Рядом — ноутбук. Экран ноутбука светился.

Весея шагнула вперед, чувствуя, как предательски хрустит под ногами какая-то крошка. Она посмотрела на экран.

Открытая программа удаленного доступа. Окно видеопотока. Прямая трансляция с камеры, установленной на балконе. Трансляция остановилась пять минут назад. Ровно тогда, когда мы вошли в подъезд.

Он видел нас. Видел, как мы разговариваем с консьержем. И ушел за секунду до того, как палец старика коснулся диска телефона.

— Чисто! — крикнул Лапшин из спальни.

— Чисто! — отозвался голос эксперта СОГ, вошедшего следом за нами.

Весея подошла к столу. На столе царил идеальный порядок. Педантичность психопата. Каждый кабель смотан в бухту и закреплен стяжкой. Каждая карта памяти лежит в подписанном пластиковом боксе.

Она открыла верхний ящик. Паспорта. Три штуки. Российский, заграничный биометрический и старый советский серпастый-молоткастый, выданный в Ленинграде.

Владимир Сергеевич Романов. Год рождения тысяча девятьсот восемьдесят шестой.

Фотография заставила ее замереть.

На нее смотрели глаза матери с первой фотографии из архива. Те же высокие скулы, тот же разлет бровей. Но вместо детского испуга в них плескалась ледяная, спокойная пустота северного моря. Глаза профессионального снайпера. Или аудитора, списывающего активы.

Рядом с паспортами лежала коробка. Черный картон. Внутри, на бархатной подложке, покоились маникюрные ножницы фирмы Zwilling. И моток той самой бельевой веревки. Серый хлопок. Три метра. Ровно отрезано ножом. Конец волокна пушился.

Лапшин подошел сзади, тяжело дыша.

— Нашли что-нибудь?

— Его кровать, — тихо сказала я, указывая на огромную кровать из паллет и кожи посреди комнаты.

Изголовье кровати было придвинуто вплотную к панорамному окну. Спящий человек мог лежать и смотреть на город. Или наблюдать за тем, как полиция топчется у тела его работы.

— Тут флеш-накопитель, — Лапшин протянул мне металлический брусок Titanium. — Лежал под матрасом.

Я взяла накопитель. Холодный металл обжигал пальцы. Вся жизнь Владимира Романова — его месть, его искусство, его боль — была записана на эту маленькую микросхему. Протоколы, фотографии слежки, финансовые проводки взятков чиновников. И видеозаписи убийств. Своего рода режиссерская версия фильма.

— Уходим, — скомандовала я. — Вызывайте криминалистов по форме. Официально. По рапорту о подозрении в незаконном хранении оружия. Пусть перевернут здесь всё. Нам нужны пальчики с этих ножниц. ДНК с рукоятки.

Мы вышли из квартиры так же тихо, как и вошли. Прошли мимо изумленного консьержа, который теперь понимал, что впустил волка в овчарню.

На улице дождь усилился. Вода в канале Грибоедова стала совсем черной, маслянистой. Где-то там, глубоко на дне, наверняка лежат старые вещдоки по делу Топляка, спрятанные кем-то в панике конца девяностых.

Я села в машину Лапшина. Руки мелко дрожали. Адреналин отходил, оставляя после себя звенящую пустоту.

— Он знал, что мы придем, — сказал майор, поворачивая ключ в зажигании. Дворники размазывали грязь по стеклу. — Оставил нам камеру и веревку. Как визитную карточку.

— Нет, — я покачала головой, сжимая в кулаке холод-

ный титановый диск. — Он оставил нам приманку. Он хочет, чтобы мы нашли флешку. Хочет, чтобы мы прочитали его манифест. Для него это не война. Это диалог. Он пишет сценарий, а Зотова должна сыграть роль антагониста. Вопрос только в том, кто написал роль для самого Романова?

Машина тронулась, разбрызгивая лужи. Впереди мигали красно-синие огни скорой помощи, которую вызвали для протокола — констатировать смерть госпожи Орловой официально.

Впереди было сорок семь глав пути. И первая развилка осталась позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.